

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И БРИКОЛАЖ: КАК РУССКОЯЗЫЧНЫЕ МИГРАНТЫ В ЯПОНИИ СОЗДАЮТ И ПРИОБРЕТАЮТ ВЕЩИ

Ксения Валентиновна Головина

Токийский университет, Центр глобальных коммуникационных стратегий
3-8-1 Комаба, Мегуро-ку, Токио 153-8902, Япония
ksenia.golovina@gmail.com

Аннотация: В работе используются данные, полученные в результате полевого исследования русских мигранток первого поколения, а также онлайн-опроса русскоговорящих мигрантов, проживающих в Японии. В поле зрения исследования — мигрантская материальная культура, в частности предметы, проистекающие из практик DIY (“do-it-yourself”). В статье применяется определение DIY, которое включает не только предметы, полностью сделанные руками мигрантов, но и вещи, так или иначе модифицируемые владельцами, а также приобретаемые способами, выходящими за рамки традиционного покупательского опыта. Оторванные от знакомой социокультурной среды, характеризующей определенными формами материальных выражений, мигранты используют DIY как способ восстановить эту материальность в новом месте, опираясь при этом на ограниченные средства и каналы потребления. С целью обнаружить смыслы, сокрытые в вещах мигрантов, в работе вышеописанные практики концептуализируются через *бриколаж*.

Ключевые слова: материальная культура, русскоговорящие мигранты, бриколаж, DIY.

Для ссылок: Головина К. Материальная культура и *бриколаж*: как русскоязычные мигранты в Японии создают и приобретают вещи // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 179–210.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/golovina.pdf>

MATERIAL CULTURE AND BRICOLAGE: RUSSIAN-SPEAKING MIGRANTS IN JAPAN WHO MAKE AND PROCURE OBJECTS

Ksenia Golovina

The University of Tokyo, Center for Global Communication Strategies
3-8-1 Komaba, Meguro-ku, Tokyo 153-8902, Japan
ksenia.golovina@gmail.com

Abstract: This paper draws on data obtained through fieldwork with first-generation Russian female migrants and an online survey of male and female Russian-speaking migrants who reside in Japan. The research focuses on the migrants' material culture, in particular the objects that result from their “do-it-yourself” (DIY) practices. I expand the traditional definition of DIY: for example, I extend the definition to include items modified to meet their owners' needs, thereby retaining the features of co-making, as well as items obtained outside the conventional consumer experience. Uprooted from their familiar socio-cultural environment characterized by specific forms of material expression, migrants use DIY as a tool to restore this materiality in their new location, while having to rely on limited materials and specific consumption channels. In the study, these practices are approached through the concept of *bricolage*, which originates from Levi-Strauss's discourse, to reveal the meanings enacted through the objects that the migrants possess.

Keywords: material culture, Russian-speaking migrants, bricolage, DIY.

To cite: Golovina K., ‘Materialnaya kultura i *bricolazh*: kak russkoyazychnye migranty v Yaponii sozdayut i priobretayut veshchi’ [Material Culture and *Bricolage*: Russian-speaking Migrants in Japan Who Make and Procure Objects], *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 34, pp. 179–210.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/golovina.pdf>

Ксения Головина

Материальная культура и *бриколаж*: как русскоязычные мигранты в Японии создают и приобретают вещи

В работе используются данные, полученные в результате полевого исследования русских мигранток первого поколения, а также онлайн-опроса русскоговорящих мигрантов, проживающих в Японии. В поле зрения исследования — мигрантская материальная культура, в частности предметы, проистекающие из практик DIY (“do-it-yourself”). В статье применяется определение DIY, которое включает не только предметы, полностью сделанные руками мигрантов, но и вещи, так или иначе модифицируемые владельцами, а также приобретаемые способами, выходящими за рамки традиционного покупательского опыта. Оторванные от знакомой социокультурной среды, характеризующейся определенными формами материальных выражений, мигранты используют DIY как способ восстановить эту материальность в новом месте, опираясь при этом на ограниченные средства и каналы потребления. С целью обнаружить смыслы, сокрытые в вещах мигрантов, в работе вышеописанные практики концептуализируются через *бриколаж*.

Ключевые слова: материальная культура, русскоговорящие мигранты, *бриколаж*, DIY.

1. Введение

Когда в 2008—2011 гг. я проводила полевое исследование русских женщин, проживающих в Японии, наблюдения за их материальной культурой не были моей первоочередной задачей. Тем не менее каждый раз, когда я посещала жилища моих информанток и видела предметы, наполняющие их, я приближалась к пониманию, что тема заслуживает отдельного внимания. Подобный вывод — результат не только того, что наблюдение этих предметов виделось мне ключом к более глубокому осмыслению материальных миров мигрантов и осознанию контекстов, лежащих в их основе, но и того, что информантки с большим энтузиазмом обсуждали принадлежащие им вещи. С тех пор я наблюдала следующие предметы домашнего обихода и наряды моих информанток: диванные подушки, скатерти и одежду, сделанные из подержанных кимоно; иконы и занавески, вышитые вручную; переделанный владелицей тюль, напоминающий своим узором текстиль с родины информантки,

Ксения Валентиновна Головина
Токийский университет,
Токио, Япония
ksenia.golovina@gmail.com

но купленный в японском магазине секонд-хенд. Среди предметов было много вещей, необычных для японских интерьеров, но найденных моими информантами именно в Японии, на блошиных рынках или в группах купли-продажи в интернете. В фокусе статьи — вышеописанные предметы, т.е. материальная культура мигрантов с элементами DIY (“do-it-yourself”), или «самоделания», концептуализируемая мною посредством бриколажа. Я использую термин DIY для обсуждения как самих предметов такого рода, так и практик, связанных с их раздобыванием. Таким образом, я не ограничиваю определение DIY вещами, сделанными исключительно руками мигрантов. Предлагаемая дефиниция также включает предметы, которые наделяются характеристиками «со-делания» в процессе их модификации и гармонизации с потребностями владельца. Соответственно, элементы DIY можно наблюдать в объектах, приобретенных способами, которые выходят за рамки основных потребительских практик в современном обществе, где готовая вещь приобретается на прилавке или через интернет. К примеру, я использую данный термин в отношении предметов, купленных через такие каналы, как онлайн-группы купли-продажи для мигрантов в Японии. Покупка товара сопровождается активным общением частного характера, и приобретенные вещи нередко нуждаются в дальнейшей модификации, часто с добавлением дополнительных материалов, пока предмет не достигает формы, необходимой для помещения его в домашнее пространство покупателя. Я предлагаю концептуализировать подобные мигрантские практики посредством бриколажа.

Леви-Строс описывал бриколаж как спонтанное действие, лишенное видения окончательной формы продукта. Это процесс сотворения, который полагается на доступные создателю средства. Как метафору Леви-Строс использовал бриколаж для характеристики процесса мифотворчества. Следующие элементы бриколажа: ограничения, организующая социокультурная логика и противостояние, — детализированные в постлеви-стросовской научной литературе, видятся мне наиболее применимыми в контексте данной дискуссии. Рассмотрение испытываемых создателями ограничений, организующих сил, лежащих в основе их проектов, а также элементов противостояния по отношению к принимающему обществу дает возможность ответить на вопросы, почему именно эти, а не другие предметы появляются в мигрантских домах и какие значения они приобретают, став частью быта владельца. Далее приложение концепции бриколажа помогает вычленить эмоциональное содержание объектов как локаторов чувств, тревог и стремлений мигрантов.

2. Теоретизация миграции, материальности и бриколажа

2.1. Материальность и миграция

Исследования, рассматривающие опыт современных мигрантов с точки зрения материальности, обладают способностью выявить трудноуловимые частности в жизненных представлениях, конструировании идентичности и стремлениях мигрантов. Таким образом, подобные исследования указывают на необходимость наблюдения материальной культуры. В этой главе я привожу обзор литературы, касающейся миграции и материальности. Затем я рассматриваю научные работы недавнего времени, в которых применяется концепция бриколажа.

Басу и Коулман утверждают, что для достижения более глубокого понимания взаимосвязанных сущностей миграции и предметов необходимо «нанесение типологий материальности и материальной культуры на карту типологий миграции и мобильности» [Basu, Coleman 2008: 318]. Один из возможных подходов к решению этой крупномасштабной задачи — осознание контекстуального характера материальных миров мигрантов. Для того чтобы различить контексты в мигрантском опыте, важно видеть «пересекающиеся маршруты людей и вещей». Вещественность, обрамляющая мигрирующих людей, обусловлена целями и планами их путешествий, и наоборот [Basu, Coleman 2008: 317]. Хотя конкретность определенного материального объекта кажется неопровержимой, его коннотации существенно меняются в зависимости от контекста путешествия. Таким образом, контекстуальность выступает как одна из важных составляющих при обсуждении миграции и вещей.

Работа Де Леона [De Leon 2013] представляет конкретный пример того, как контекст детерминирует формы вещественности в миграции. Автор описывает опыт мигрантов без документов, чьи путешествия опасны и физически трудны ввиду необходимости пересечения границы, контекстуализируемого их нелегальным статусом. Де Леон выстраивает свой дискурс при помощи археологической концепции «снашивания», которая помогает исследовать материальные следы, оставляемые за собой мигрантами. Автор демонстрирует степень физического страдания, испытываемого мигрантами во время их странствий, в которых временными домами им служат приюты. Де Леон устанавливает связь между мигрантами, объектами, определяющими опыт миграции и одновременно определяемыми им, а также маршрутами, которыми мигрирующие следуют. Контекст помогает обнаружить глубинные уровни мигрантских взаимоотношений с предметами, привнося ком-

понент эмоций, спроецированных на объекты, с которыми мигранты контактируют. Как пишет Бюррелл, странствования «*настолько* значимы эмоционально, что иногда единственный способ справиться с ними — это изображать их таковыми» [Burrell 2008: 356; курсив автора. — К.Г.].

Тема чувств мигрантов в форме страданий, запечатленных в материальной культуре, также поднимается Миллером [Miller 2008], хотя и в ином свете. Миллер анализирует страдание как трагедию в более абстрактном (но тем не менее сокрушающем) смысле, который превосходит непосредственную физическую природу акта пересечения границы. На основе ряда проектов и научных работ, посвященных концепции миграции и материальности, Миллер выдвигает гипотезу, что отсутствие ощущения удовлетворенности и завершенности, манифестируемое противоречивыми материальными мирами мигрантов, обнаруживает неспособность последних действовать и реализовывать свои культурно-ориентированные стремления так же эффективно, как они могли бы это делать в своей родной среде. Миллер также затрагивает тематику «второго дома» посредством этнографического описания ситуации ямайской женщины, проживающей в Великобритании, но щедро вкладывающейся в свой дом на Ямайке, в котором ей вряд ли доведется жить. Эта тема наиболее полно раскрыта автором в его эссе “Why the Furniture Goes to the House You Can’t Live in” [Miller 2007]¹. Приведенные здесь работы дают основание предположить, что существуют как минимум два важных аспекта в исследовании вещей мигрантов. Первый аспект — это контекстуальность объектов, от их физического передвижения до категорий статуса и жизненного этапа владельца; второй — это эмоциональные конфликты, которые эти объекты воплощают. Эти контексты и конфликты остаются «встроенными в ответственность» миграции, реализуемые через различные типы «меблирования», которые мигранты используют [Burrell 2008: 370] для различных сегментов и этапов своего пути. К сегментам миграции, к примеру, могут относиться изначальное пересечение границы или временные поездки на родину, а к этапам — получение постоянного места жительства в принимающей стране.

¹ Подобная двойственность жилищ остается вне поля зрения моей статьи. Однако она является важным аспектом, относящимся к материальной культуре и трансграничной мобильности. Наиболее явственно он обнаруживает себя в контекстах возвратной миграции [Horst 2007; Larionescu 2012]. Многие из моих информанток, в особенности те, кто переехал в Японию в начале 1990-х гг. и смог извлечь выгоду из экономической турбулентности на своей родине в отношении заработков, полученных ими в Японии, смогли приобрести новое жилье или существенно отремонтировать имеющиеся у них квартиры. Впоследствии они капитализировали эти операции посредством дальнейшей сдачи жилья в аренду.

К исследованиям последних лет по материальной культуре и русскоговорящим мигрантам относятся работы Гуровой и Печуриной. Гурова [Гурова 2013] рассматривает «стилевые репертуары» русских в Финляндии. Исследование выявляет, что означает «выглядеть по-русски» и как мигранты конструируют свою этничность посредством различных «стилевых репертуаров» и «через одежду в контексте класса, профессии, гендера и возраста». Печурина [Pechurina 2015] также интересуется вопросом мигрантской идентичности и применяет концепцию «диаспорических объектов» как маркеров «русскости» среди предметов в домах информантов, а также их практик, сопряженных с пищей. Далее в работе Байфорда [Байфорд 2014] (хотя в фокусе внимания автора сообщество русскоговорящих мигрантов в Великобритании, а не их материальная культура как таковая) показано, как мигранты используют арсенал символических материальных объектов в процессе «разыгрывания сообщества». Связующее звено в этих исследованиях — внимание их авторов к тому, как мигранты артикулируют через материальные практики, что для них означает быть русским вдали от России. В настоящей статье я также затрагиваю данный вопрос.

2.2. Бриколаж

Термин бриколаж, введенный Леви-Стросом, с момента внедрения подвергался долгому процессу трансформации. В поле зрения исследователей более раннего периода, которыми применялась данная концепция, были ее ограничительная составляющая и элемент *фабрикации*, а не творчества. Например, Гарви, обсуждая конституционный бриколаж, выдвигает гипотезу, что «бриколаж — это процесс фабрикации “временных” решений проблем по мере их возникновения с использованием ограниченного и часто сильно ограничивающего набора доктрин, материалов и инструментов» [Garvey 1971: 5]. Гарви видит важную функцию бриколажа в помощи обществу «сохранить его синтаксис — постоянство и идентичность в долгосрочной перспективе посредством выбора ответов на возникающие проблемы из ограниченного культурного резерва» [Garvey 1971: 5].

Алтглас [Altglas 2014] утверждает, что в последовавшем процессе «детрадиционализации» концепции бриколажа элемент творчества, лишённого организующей логики, был выдвинут как основной принцип концепции. Алтглас настаивает, что подобное упрощение по мере применения термина к различным реалиям приводит к невозможности распознавания всего диапазона сил, приводящих к индивидуальным практикам.

Исследователь выступает за восстановление изначального значения термина, где важными являются такие составляющие, как «пределы доступных ресурсов, предварительное ограничение этих ресурсов по отношению к значению, социокультурная логика, организующая бриколаж, роль, играемая бриколажем в неравных социальных отношениях и асимметричных культурных потоках более широкого плана» [2014: 490]. Алт-глас иллюстрирует этот аргумент, приводя в пример религиозные практики современных верующих, нередко придерживающихся нескольких духовных систем одновременно, показывая, что их действия — это не просто случайный выбор, а скорее реакция на требования неолиберального общества, которое ожидает наличия у индивида определенных качеств. Эти духовные системы в свою очередь помогают культивировать подобные индивидуальные качества. Таким образом, бриколаж участников данного процесса является бриколажем не потому, что он эклектичен в своей сущности, а потому, что, как изначально задумывалось Леви-Стросом, его эклектизм — это явление социальное, предопределенное, оперирующее ограниченным набором ресурсов.

Еще одно свойство бриколажа, оказавшееся в поле зрения исследователей, — это противостояние. Кнеппер, исследуя противостояние как стратегию бриколажа в колониальном контексте, утверждает, что «бриколаж может быть интерпретирован как превращение лишения культурного наследования в стратегию противостояния, “перестановки слагаемых памяти” и творческого самоопределения, возможного благодаря интенсивному критическому и изобретательному усилию» [Кнеппер 2006: 85]. Таким образом, хотя «постоянство и идентичность» не сохраняются через бриколаж в строгом смысле, предложенном Гарви в 1971 г., трансформированная идентичность восстанавливается при помощи изначальных составляющих. Кнеппер упоминает о внешней силе — колонизаторах, лежащей в основе индивидуального бриколажа. Эта внешняя сила находит дальнейшее оформление в работе Дёзе [Deuze 2006], который видит бриколаж (вместе с участием и ремедиацией) как центральный компонент современной цифровой культуры. В качестве примера автор приводит направление, продвигающее открытые программные средства, которое также содержит элемент противостояния и играет роль в политической гражданской принадлежности.

Джонсон указывает, что Леви-Строс экспонировал «фигуру *бриколера* как олицетворение расхождения между традиционными и современными научными формами мысли и действия» [Johnson 2012: 368]. Эта основообразующая идея остается справедливой и сейчас: современные *бриколеры*, как

показал Дёзе, отходят от условностей в своем стремлении преодолеть связывающие их структуры [Deuze 2006], и их бриколаж тем самым является заявлением. Бриколаж также выступает в качестве заявления в субкультурных практиках футбольных фанатов, которые производят его через нарушающее нормы использование брендов одежды [Guçtu 2015]. Гуту утверждает, что для них «бриколаж играет роль, которая в большей степени направлена на охрану идентичности группы от “посторонних”, через присвоение идентичности и опознавательных знаков» [2015: 18].

Исследования, помещенные в мигрантские контексты, помогают увидеть, является ли принимающая страна и ее доминантные структуры «внешней силой», способной спровоцировать противостояние в форме бриколажа. Филлимор и соавторы изучают потенциал бриколажа как концептуального инструмента в отношении доступа к социальному обеспечению в «суперразнообразных» районах [Phillimore et al. 2016]. Авторы утверждают, что «бриколаж в сущности явление инновационное и на самом деле единственный способ создавать новое в ситуациях, характеризуемых высокой степенью неизвестности, отсутствием доверия, политическим конфликтом и нехваткой ресурсов, одним словом, бриколаж — это механизм преодоления комплексных трудностей» [Phillimore et al. 2016: 13]. В выдвигаемых тактиках применения бриколажа к социальному обеспечению Филлимор и соавторы обозначают темы «маргинализированных субъектов», а также «противостояния из необходимости» [Phillimore et al. 2016: 16–17]. Хотя авторы не уточняют, на кого направлено описываемое противостояние, они закладывают существенную основу для дискуссии о бриколаже как механизме преодоления в мигрантских контекстах.

3. Методология

Настоящая статья объединяет данные, собранные на разных этапах исследования, с применением различной методологии. Первая часть данных была собрана в Японии в 2008–2011 гг.¹ посредством глубоких полуструктурированных интервью с 50 русскими женщинами, которые были замужем за японскими мужчинами². Женщины родились между 1970

¹ Результаты данного PhD-проекта представлены в опубликованной на японском языке монографии [Golovina 2017].

² Женщины были выбраны в качестве информанток в силу демографических характеристик русских в Японии, где преобладает женская популяция. Так называемая «женская волна», характеризующаяся перемещением русских женщин в Японию, началась в 1990-х гг. Многие женщины вышли замуж за японских мужчин, изначально переселившись в Японию либо в потоке брачной миграции, либо как

и 1980 гг., и на момент проведения интервью им было 24–42 года. Срок проживания в Японии составлял от 6 месяцев до 18 лет. Среди моих информанток 76 % обладали степенью бакалавра, 30 % из их числа далее поступили в магистратуру и аспирантуру. На момент исследования 52 % были трудоустроены, однако только пять женщин из 50 работали на полную ставку как штатные сотрудники. Все интервью были записаны, транскрибированы и кодированы. Изначально кодировка проводилась вручную, а впоследствии с использованием NVIVO. Велись также обширные полевые записи. Все имена участниц были изменены с целью сохранения анонимности.

Так как я продолжаю общение со многими из участниц исследования, а также опрашиваю новых информанток в Японии, технически я никогда не покидала зоны поля. Последующие интервью позволили заново протестировать изначальные научные предположения. Эти новые интервью также сыграли важную роль в контексте фокуса данного исследования на материальности: они помогли мне остаться физически (и, следовательно, сенсорно¹) включенной.

Для того чтобы привнести количественную перспективу в исследование, в феврале 2016 г. я провела онлайн-опрос, спонсированный “Japan Society of Lifology” («Японское общество изучения быта»). В центре внимания этой части исследования были жилища мигрантов, предметы в их жилищах, а также способы и каналы, которые мигранты задействовали для приобретения этих предметов². Опрос был проведен на оплачиваемой опросной платформе и был направлен на членов онлайн-группы «Русскоязычное сообщество в Японии», которая начала свое существование после землетрясения и цунами в районе Тохоку в Японии в 2011 г. На момент опроса в группе состояли и общались друг с другом 7500 русскоязычных из стран бывшего Советского Союза. Опрос включал 55 вопросов, которым была придана окончательная форма после серии дискуссий на темы жилья и быта, организованных автором в рассматриваемом онлайн-сообществе. Эти

работницы сферы развлечений. Есть и те, кто мигрировал в качестве студентов и профессиональных работников. За распадом Советского Союза, сделавшим географическое передвижение людей более свободным, последовали экономические периоды нестабильности 1998 и 2008 гг. Миграция русских женщин в Японию после 1990-х гг. описана с различных точек зрения, которые включают вопросы идентичности [Baibikov 2006], миграционной политики [Mukhina 2013], агентности и структуры [Golovina 2017], сохранения русского языка [Basova 2013] и гендера ([Kim 2013] о женщинах из бывшего Советского Союза).

¹ Печурина детально описывает функционирование сенсорного аспекта при исследовании материальной культуры, указывая на его важность [Pechurina 2015: 70–72; 2016].

² Набор данных этого исследования представлен в статье Головиной [Golovina 2016].

дискуссии составляют киберэтнографический элемент настоящего исследования.

Структурно онлайн-опрос состоял из двух частей, разделенных на подтемы. Целью первой части было определить типы жилищ, в которых русскоязычные мигранты живут в Японии. Вторая часть преследовала цель установить перечень предметов от мебели до фотографий, содержащихся в этих жилищах, а также способы, в результате которых названные предметы оказались во владении мигрантов. В статье я привлекаю данные только из второй части опроса, в частности вопрос, касающийся каналов, используемых мигрантами для приобретения различных вещей, где прослеживаются черты DIY, соответствующие выдвинутому во введении определению.

На онлайн-опрос ответили 186 человек (69,9 % из России¹, 90,3 % женщины, 69,9 % в возрасте 30–44 лет, 50,8 % женаты или замужем за японцем / японкой). Несмотря на то что выборка оказалась достаточно малочисленной, ее демографические характеристики во многом совпадают с характеристиками мигрантов из стран бывшего Советского Союза в Японии. В целом эта популяция может быть охарактеризована как «женская миграция»² с женщинами в возрасте от 30 до 40 лет, в большинстве случаев переселившимися в Японию, когда им было около 20 лет. Мигранты из России составляют наибольший процент этой популяции³.

Необходимо иметь в виду, что генерализированный портрет мигранта из бывшего Советского Союза, таким образом, будет наделен следующими чертами: как показывают официальная статистика Министерства юстиции Японии, а также результаты проведенного мною онлайн-исследования, эти мигранты, скорее всего, будут русскими, женщинами, имеющими японского супруга. Ввиду этого практики, описываемые в статье, нужно рассматривать прежде всего как характерные для мигрантов этого типа. То, что в фокусе работы именно женщины, — демографически предусловленная реалья.

На этот опрос ответили больше женщин (90,3 %), нежели на другие опросы, проведенные мною в составе научных соав-

¹ Процент респондентов из Украины составил 11,8 %, Белоруссии — 4,3 % и Киргизии — 3,8%; остальные респонденты были из других стран бывшего Советского Союза.

² Узбекистан — исключение, так как больше мужчин, нежели женщин, мигрируют оттуда в Японию (Статистика Министерства юстиции Японии, <<http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/List.do?lid=000001150236>>).

³ В декабре 2015 г. в Японии проживало 13 980 мигрантов из стран бывшего Советского Союза, 58 % из числа которых составляли приезжие из России; 61,5 % этой популяции — женщины (Статистика Министерства юстиции Японии).

торских проектов [Mukhina, Golovina 2017]. Повышенная доля участия женщин в опросе дает возможность предположить, что материальная культура в контексте миграции особенно интересна женщинам. В своем исследовании русских стилей в мигрантских домах в Великобритании Печурина сделала похожее наблюдение, обозначив, что «некоторые респонденты (в основном женщины)» были особенно активны в отношении практик украшения своего дома [Pechurina 2015: 40]. Активное участие женщин в описываемом опросе можно сравнить с тенденцией, выявленной Моргуновой в проекте, посвященном электронной русофонной диаспоре [Моргунова 2014]. Моргунова пишет, что русскоязычные женщины могут быть названы наиболее социокультурно активными участниками мировой русскоязычной диаспоры как онлайн, так и офлайн.

3.1. Замечания по поводу использования терминов

Мой выбор в проведении исследования пал на определенную онлайн-группу ввиду ее статуса как наиболее масштабного (и постоянно растущего) коммуникативного пространства русскоязычных мигрантов в Японии, большинство из которых русские. В связи с этим, кроме случаев, в которых я специально уточняю, что тот или иной мигрант — выходец из России, в статье я использую термин «русскоязычные мигранты» для обозначения участников исследования.

В статье слово «сообщество» не применяется в строгом смысле, в связи с которым, например, Бретон предлагает считать настоящим этническим сообществом такую группу людей, которая обладает определенной степенью «институциональной целостности» [Breton 1964]. Скорее я трактую термин как обозначение принадлежности моих респондентов к онлайн-группе, которую они используют для достижения социокультурных и иногда экономических целей. Многие члены этого сообщества — этнические русские, родившиеся либо в России, либо в других странах бывшего Советского Союза. Другие участники сообщества принадлежат к различным этническим группам как России, так и других территорий бывшего Советского Союза. Их объединяющая черта — владение русским языком либо как родным, либо на уровне, сопоставимом с родным. Это говорит о том, что члены сообщества не из России изучали русский язык в своих родных странах до переезда в Японию. Далее, если бы в поле зрения исследования в целом была только Россия, это привело бы к невозможности включить опыт этнических русских, приехавших в Японию из других стран.

Более того, как отмечает Копнина, когда мигранты из стран бывшего Советского Союза перемещаются в страну вне своей родины, они имеют тенденцию формировать общую идентичность. Эта идентичность основана на общих социокультурных ценностях, связанных с социалистическим прошлым их стран, а также на возможности свободно изъясняться на русском языке [Копнина 2005]. Байфорд делает похожее наблюдение о русскоязычных мигрантах в контексте Великобритании, обозначая их «общее воспитание и происхождение из бывшей Советской “империи”» как движущую силу самоидентификации, которая превосходит этничность и национальность [Байфорд 2014]. Сопоставимые выводы были сделаны также в результате пилотного исследования молодежи из стран бывшего Советского Союза, приехавшей в Японию с целью учебы [Golovina 2009]. Молодежь активно использовала советский символизм в процессе взаимного общения в принимающей стране.

3.2. Саморефлексивные замечания

Как уже отмечалось, Печурина использует концепцию «русскости», трактуя ее при помощи понятия «диаспорических объектов» (таких как матрешка) в качестве фильтра для рассмотрения материальной культуры русских в Великобритании [Pechurina 2011; 2015]. Мне также довелось наблюдать немало предметов в домах моих информантов, которые можно классифицировать как «диаспорические объекты». Однако несколько ключевых фраз, сопровождавших мои встречи с интервьюируемыми, обозначили наличие других малоизвестных направлений, нуждающихся в изучении. После интервью с 34-летней русской мигранткой образовательно-профессионального потока, в котором я задавала вопросы про элементы русского декора в ее доме, я получила от нее следующее электронное сообщение: «Что ни говори, всё это русское всё же не про меня...» Многие другие информантки также озвучили сопоставимые аргументы. Вследствие этого я приняла решение взять за отправной пункт исследования не гипотезу, связанную с «русскостью», проявляющейся в материальной культуре, а объекты, которые мои информанты обозначили в качестве значимых, а также необычные практики приобретения различных вещей, которые они осуществляли.

В работах Печуриной часть исследуемых мигрантов проявляли незначительную привязанность по отношению к «диаспорическим объектам» в их владении или в целом [Pechurina 2011; 2015]. Исследовательница классифицировала этих мигрантов как «акцепторов» (британского стиля жизни). Она также затра-

гивает проблематику китча, в контексте которой русские, а еще чаще советские, вещи считаются «чрезмерно русскими» среди мигрантов, теряя при этом личностную окраску. Наблюдения Печуриной обнаруживают, что отношения русских мигрантов с «русскостью» многогранны, и «русскость» далеко не всегда выступает центральным мотивом в организации ими материального пространства. Эти результаты говорят о наличии других сфер мигрантской материальной культуры, потенциально интересных в качестве объекта исследования. В связи с этими наблюдениями мой выбор пал на предметы в мигрантском материальном окружении, которые были либо сделаны, либо со-деланы информантами и часто выходили в своем выражении за рамки «предполагаемого» исследователем потенциального диапазона вещей.

4. Кейсы и дискуссия

4.1. Контекстуализация эмпирических данных

Перед тем как перейти к описанию эмпирических данных, полученных в ходе исследования, вернусь к значению термина DIY, а также используемому для концептуализации данных термину бриколажа непосредственно в мигрантском контексте.

Термин DIY — это одновременно описание положения вещей в доконсюмеристском обществе и реакции на универсализацию объектов в контексте консюмеризма. Однако в случае мигрантов он наделяется дополнительным значением. Перемещенные из своего родного социокультурного контекста, который ассоциируется с определенными формами материальности, мигранты используют DIY как способ восстановить эту материальность на своем новом месте, используя ограниченный набор предметов и специфические потребительские каналы. Процесс восстановления не односторонний, но осуществляется под влиянием вещественного ряда и идей принимающей страны. Мигранты движимы комплексом социокультурных импульсов, которые включают любопытство по отношению к принимающей стране (или его отсутствие), ностальгию¹ по родине (или опять же, хотя в более редких случаях, отсутствие оной), ожидания по отношению к ним как к иностранцам, от которых ждут выражения тоски по дому², и иногда грусть о своей эйфории периода до и сразу после миг-

¹ О конструировании ностальгии в мигрантском контексте см.: [Pistrick 2015].

² В японском контексте это особенно актуально, поскольку в публичном дискурсе иностранцы редко позиционируются как долгосрочно проживающие. Телевизионный дискурс последних лет во многом основан на конструировании иностранцев как временных гостей, ожидаемо скучающих по дому и собирающихся туда вернуться (пример — передача TVTOKYO «Почему Ты приехал в Японию?», что по-японски звучит как «Ю ва нани си ни нихон е?»).

рации. Что касается последнего импульса, ощущение эйфории в отношении принимающей страны обычно постепенно утрачивается. Многие из моих информантов поведали о том, как изначально они были очарованы Японией, но со временем утратили это чувство. Экзотичность принимающей страны, часто манифестируемая через кимоно, о материальных практиках вокруг которого рассказывается ниже, также выступает как один из импульсов. Таким образом, экзотизм тоже может рассматриваться как играющий определенную роль в увлеченности мигрантами материальными формами выражения.

Бриколаж, означающий DIY по-французски, но наделенный смыслами антропологического дискурса, применяется здесь, как уже отмечалось во введении, в качестве концепции, вводящей в действие следующие смыслы, детализированные в предшествующих научных трудах, которые были описаны выше: ограниченность доступных материалов, социокультурная организующая логика и противостояние. В случае мигрантов это означает, что материалы в их распоряжении ограничены, их действия — результат социокультурных сил вне непосредственного контроля индивида, а отношения с материальными практиками принимающей страны не лишены элемента противостояния. Таким образом, вещи создаются и приобретаются мигрантами как результат компиляции доступных ресурсов и каналов, функционируя при этом как символический инструмент воспроизведения опыта периода до миграции. Эти действия — попытка сконструировать «кажущееся» ощущение нахождения дома. Воспоминания об этом опыте, как леви-стросовские мифемы, становятся арсеналом средств, которые мигранты используют для выражения себя посредством создания вещей. Бриколаж, таким образом, двоякий. Он происходит как на уровне воспоминаний о прошлом, так и в сфере физических ресурсов, которые мигранты могут приобрести, а также каналов, к которым у них есть доступ в принимающей стране, для того чтобы материализовать свои переживания. Отсутствие видения конечного продукта создателем может быть связано с недоступностью или невидимостью в зоне непосредственной досягаемости искомым объектов и идей¹. Эклектизм бриколажа проявляет себя посредством абсолютно-го смешения объектов и средств.

Несмотря на гибридную сущность глобализирующегося мира, в котором культуры переплетаются, хотя и не равно, посред-

¹ В описании Леви-Строса человек, совершающий акт бриколажа, «производит опрос всех неоднородных предметов, составляющих его запасники, с целью выявить, что каждый из них может “означать” и таким образом сделать вклад в определение некоего набора, которому еще предстоит материализоваться» [Lévi-Strauss 1966: 18; курсив мой. — К.Г.].

ством различных медийных источников [Kraidy 2005], принимающая страна может выступить как неизведанная территория для мигрантов. Это проявляется, когда реализуется физическое перемещение мигранта в новую страну. Незнание языка добавляет трудностей, особенно в случае, если формы письменности языка принимающей страны и языка в стране мигранта сильно разнятся, как это наблюдается в ситуации русскоязычных переселенцев в Японию. Вопрос о получении доступа к необходимым ресурсам (т.е. что, где и как приобрести для достижения жизненного комфорта, сохраняя в то же время символические связи с памятью прошлого) осложняется. Эти практики содержат элемент противостояния, нередко мигранты вступают в отношения только с определенными аспектами культуры принимающей стороны, противостоя остальным. При этом практики DIY означают, что вещи, которыми владеют мигранты, увеличиваются в количестве. Этот сценарий выступает как оппозиция минималистским тенденциям современного японского городского общества¹.

Таким образом, DIY — рефреймированный здесь как бриколаж — может быть интерпретирован как ответ мигрантов неизведанному, с которым они сталкиваются. Он становится стратегией постепенного вкраивания себя в принимающее общество посредством объектов, которые мигранты могут использовать как новые символы своей принадлежности как к пре-, так и к постмигрантским сферам. Эти объекты выискиваются, выбираются, объединяются с другими, видоизменяются и подлаживаются, в конечном счете приобретая новые смыслы. С точки зрения предметно-ориентированной перспективы владельцы таких предметов участвуют не только в их со-делании, но и в создании их «культурной биографии» [Kopytoff 1986], когда они приобретают, модифицируют, выставляют напоказ и иногда передают их новому владельцу.

Тем не менее необходимо избежать романтизации практик создания и приобретения подобных предметов. В некоторых случаях описываемые практики превалируют во время определенных сегментов и этапов жизни мигрантов в Японии, связанных с конкретным статусом. Эти практики могут уменьшиться в объеме или утратиться полностью в некоторых обстоятельствах, таких как, например, участие мигранта в ответственной работе на полную ставку. Этот аргумент можно связать с наблюдениями Копниной, которая утверждает, что русские, живущие в Лондоне и Амстердаме, перестают доста-

¹ Например, Рокет описывает «эстетику меньшего» постиндустриальной Японии, ссылаясь на один из крупнейших японских брендов домашнего обихода «Мудзируси», продвигающий минимализм и универсализм [Roquet 2012: 144–155].

вать товары через этические сообщества и сети, когда осознают, что сделки западного типа более простые и выгодные [Korpiņa 2005: 206]. Мне кажется, что этот феномен связан не только с осознанием эффективности западных подходов¹, но и с тем, что мигранты достигают определенного уровня адаптации, степени близости с принимающей культурой, которая делает подобные сдвиги возможными. Таким образом, мигрант может превратиться из *бриколера* если не в *инженера*, учитывая экстраординарные особенности последнего превосходить природу [Johnson 2012], то по крайней мере в кого-либо с более полным арсеналом средств выражения и более четкими целями².

4.2. Кейс первый: история одной мухи

Мила — тридцатипятилетняя мать двоих детей. Во время проведения исследования она подумывала открыть небольшую студию искусств для обучения членов этнического сообщества, хотя до этого никогда не занималась искусством. Когда мы встретились, Мила сидела за столом, освещенным фиолетовым с проблесками зеленого светом лампы в стиле ар-нуво. Мотивы мозаики на полу и занавесках также были ар-нуво, создавая единство стиля. На столе, накрытом лиловой скатертью с цветочным узором, размещался чайный сервиз под гжель с чашками с крепким черным чаем, шоколадный торт, клубника и сахар.

Я поинтересовалась происхождением вещей в ее доме, не похожих на предметы, которые можно без труда найти в обычных японских магазинах. Мила сообщила, что большинство вещей приобретено в японских «рисайкуру сёппу» (магазинах секонд-хенд), описав их как «настоящие острова сокровищ, по которым можно бродить часами! Вещи для дома, включая фарфор, часто новые, но стоят копейки». Она настояла, чтобы я составила ей компанию в посещении одного из ее самых любимых магазинов подобного рода.

По мере того как мы продолжали разговаривать, я обратила внимание на сахарницу на столе. Сахарница, размером с кулак и в форме мухи, была сделана из металла. Я была удивлена, когда узнала, что этот предмет, тоже в духе ар-нуво, был найден в «большом секонд-хенде неподалеку и стоил всего пару сотен йен». Мы приступили к беседе о том, что эта сахарница

¹ Под «западными» я подразумеваю капиталистические в широком смысле слова, а не географически привязанные к Западу, ввиду фокуса статьи на Японии.

² Гуту, исследующий бриколаж и потребление среди футбольных фанатов, приводит сопоставимое наблюдение: «как только “опытные ультрас” получают “признание и безопасность” в группе, они перестают испытывать потребность в легитимации своей идентичности через визуальный стиль и вводят в обиход перформативность» [Guṭu 2015: 6].

в форме мухи означала для Милы. Дискуссия затронула тематику детской поэмы 1923 г. «Муха-Цокотуха» Корнея Чуковского, широко публикуемой в России и популяризированной посредством нескольких экранизаций¹.

Одна из наших следующих встреч действительно произошла в «рисайкуру сёппу» в западной части Токио. Это было двухэтажное здание с полками, доверху заполненными различными предметами домашнего быта и одеждой. Мы провели там несколько часов, гуляя между стеллажами и вешалками с одеждой. Когда мы встретились у кассы, я была уверена, что увижу Милу со множеством покупок, поэтому была удивлена, что она ничего не приобрела. «Знаешь, сегодня здесь не было ничего *моего*», — сказала Мила.

Вещь, которая потенциально могла стать «ее вещью», должна была перекликаться с набором волновавших Милу в конкретный день идей, которые она не могла артикулировать, однако представляла на уровне ощущений. Эти идеи в комбинации с ограниченным выбором товаров, доступных в посещенном нами магазине в тот день, действовали как ограничения, характерные для бриколажа и предотвратившие покупку. Ситуация могла бы сложиться иначе, как это произошло со многими другими предметами интерьера и быта, приобретенными Милой в этом магазине в предыдущие посещения. Однако ее задачей не было визуализировать то, что она искала, попытаться найти это в других магазинах или заказать при необходимости. В центре ее действий было обретение «того не знаю чего» в месте, которое потенциально содержало всё, что угодно, и одновременно ничего. Мила прокомментировала, что она «любит подобные поездки», добавив, что ей «нравится та часть японской культуры, в которой присутствует европейский дух», приведя в качестве примера старые универмаги в районе Гиндза². Мила сказала, что она любит посещать эти здания с их прохладным ароматным воздухом и эхом высоких потолков. Она не делает покупки там часто, в отличие от магазинов секонд-хенд, но в поле ее зрения в обоих случаях, насколько можно судить по вещам в ее доме и нарративам, предметы с «европейским духом».

Спустя несколько месяцев я снова посетила Милу для интервью. Мы сели пить чай. Я потянулась к сахарнице в форме мухи, когда Мила неожиданно спросила меня, не знаю ли

¹ И ар-нуво, стиль, которого информантка придерживалась в Японии, и поэма Чуковского «Муха-Цокотуха» наделены смыслами женской эмансипации. В «Мухе-Цокотухе» незамужняя героиня проходит через ряд неприятных ситуаций и в конечном итоге «одомашнивается», при этом она остается воплощением свободного духа.

² См.: [Tipton, Clark 2000] на тему связей между японскими универмагами и модернизмом.

я кого-либо, кому бы эта вещь понравилась. Когда я поинтересовалась, почему она хочет отдать сахарницу, Мила ответила: «Я иногда отдаю вещи, если они пробыли со мной достаточно долго. Эта муха мне уже и так хорошо послужила. Кроме этого, у нас часто гости с детьми, а эта муха — тяжелая вещица». В то время я как раз собиралась лететь в Россию и предложила взять с собой муху-сахарницу, догадываясь, что она понравится моему отцу, коллекционирующему антиквариат. Мила была очень рада, что муха полетит в Россию и останется у человека, который отнесется к ней с вниманием. Мы посмеялись, и Мила сказала: «Ну вот, муха летит домой». Вероятно, эта вещь была произведена в Японии как поздняя реплика мотивов ар-нуво. Таким образом, вещь, приобретенная в Японии как отображение европейского стиля ар-нуво, нравящегося Миле, была перемещена на свою символическую родину — в Европу.

Практики Милы представляют особый интерес, так как ее бриколаж опирается на идею европейской принадлежности, которую Мила нашла возможность усилить через использование вещей конкретного стиля, относительно доступных в Японии, хотя и не в общепринятых магазинах, где они будут дорогостоящими, если вообще окажутся в ассортименте. Таким образом, она со-действует только с определенной частью японской культуры, образный ряд которой развился под влиянием Запада как материальной составляющей истории модернизма в Японии. Эта часть нашла немедленный отклик в Миле, породив противостояние другим материальным выражениям. Поскольку она приехала из небольшого города на Дальнем Востоке, ее доступ к образному ряду модернистских дизайнов и стилей мог изначально быть ограниченным. Таким образом, «немедленный отклик», испытанный ею в Японии, мог иметь в своей основе не реальный опыт, а представление Милы о том, как европейскость¹ артикулируется в Японии. Отправив один из предметов в ее владении «обратно домой», она также сделала вклад и в его «биографию событий», увеличив количество случаев его сингуляризации [Kopytoff 1986]. Субъективная европейскость в свою очередь послужила организующим принципом, приведшим к тому, что Мила выбрала конкретный

¹ Европейскость проявляется как дискурс превосходства среди русскоязычных мигрантов в Израиле [Shumsky 2004]. Русскоязычные мигранты, переезжающие из Латвии в Лондон, позиционируют европейскость как приобретенную идентичность [Lulle, Jurkane-Hobein 2016]. Таким образом, можно увидеть, что европейскость понимается и проживается по-разному в зависимости от ряда факторов, включающих в себя траекторию миграции и статус мигранта, а также социокультурный контекст в принимающей стране. В случае Японии социокультурный контекст выражается не только в отношениях между европейскостью и модернизмом, он также относится к наследию русских эмигрантов начала XX в., которые во времена Японской империи часто воспринимались как носители ценностей «космополитизма и универсализма», а общение с «белыми русскими», таким образом, считалось «слиянием с Западом» [Koshiro 2013].

стиль среди множества других стилей, доступных в Японии, трансформировав свое жилище в дом, наполненный соответствующими символами.

4.3. Кейс 2: переделывание кимоно

Разведясь с первым мужем, Лиза приехала в Японию, где встретила своего нового супруга. Будучи профессиональной швеей, Лиза быстро нашла себе клиенток через этническое сообщество. Женщины обращались к Лизе с просьбами пошить или перекроить их гардероб — от одежды на каждый день до свадебных платьев, которые они надеялись переделать в праздничные наряды, — и Лиза проводила дни за работой, одновременно с этим воспитывая маленького ребенка. Клиентки также нередко просили ее сшить различные вещи домашнего обихода, диванные подушки или занавески, иногда из тканей, привезенных женщинами из России. Я несколько раз побывала дома у Лизы и имела возможность увидеть вещи, над которыми она работала. Мое внимание привлекло то, что среди этих вещей было много необычных одеяний с асимметричными узорами и длиной, ярких цветов и из текстурно насыщенных тканей. Там были и меховые воротники, которые заказчицы просили пришить к их одежде, несмотря на то что японская зима не требует так утепляться. Однажды Лиза показала мне пальто, сшитое из пояса кимоно «оби», длиной до колен, которое она «только что доделала для одной женщины». Она пояснила: «Это сейчас так востребовано! У меня много таких заказов. Вот как раз сейчас делаю сумку и подушку из пояса кимоно и платье из самого кимоно». Лиза рассказала, что кимоно и пояса были в употреблении и куплены клиентками в магазинах секонд-хенд, специализирующихся на ношенных кимоно, или на блошиных рынках и что с кимоно ввиду его необычного кроя было очень трудно работать. Она добавила: «И стоит это очень и очень дешево, особенно пояса, можно за тысячу йен достать прекрасные. Заказчицы иногда вместе ездят».

Мне однажды довелось присутствовать при том, как женщины приехали к Лизе забирать свои готовые заказы; позже я проинтервьюировала одну из них¹. Женщины примеряли обновки, комментируя стиль друг друга, хваля работу Лизы, обсуждая мероприятия, на которые они собирались пойти в этих вещах, попивая чай и получая удовольствие от вечера. Одна из моих информанток рассказала, что на аналогичном мероприятии

¹ Все женщины, описанные в этой главе, были заняты частично, в большинстве случаев как домашние учителя (иностранных языков или музыки).

в доме другой русской швеи участницы сочинили стихотворение о русской женщине, облаченной в кимоно. Стихотворение в традиции подражания русским переводам японской классики звучало следующим образом:

Звездопад не затмил нежность трав,
В моем гребне их отраженье.
Пусть любимый, еще до рассвета,
Освободит от него мои усталые волосы...

(Коллективное авторство.

Любезно предоставлено И.К. в апреле 2015 г.)

Эти практики представляют интерес, так как функционируют в качестве пространства, где участницы могут опробовать постмигрантские идентичности с помощью ряда инструментов и ситуаций. Сочетание японских материалов и европейских техник шитья, манифестированное через европейскую одежду, заказываемую женщинами у русской швеи в Японии, выступает как мощный символический бриколаж. Одежда произведена коллективно с помощью синкретического акта, в котором элементы японской культуры русифицируются (или европеизируются) в руках русского мастера. Многие из моих информанток, состоящие в браке с японцами, имели возможность примерить кимоно хотя бы раз, чаще всего для свадебной фотосессии, но подобные элементы японской культуры не присутствовали в их ежедневном быте. Это было продиктовано их городским укладом жизни и зачастую отсутствием интереса к японским традициям со стороны их мужей. Занятия по кимоно доступны в Японии, но их наиболее распространенная разновидность — это «кицукэ кё:сицу», на которых участников учат не шить, а именно грамотно надевать кимоно. Когда мои информантки принимали участие в череде DIY-действий с целью создать одежду или предметы быта из использованных кимоно, они через коллективный опыт реализовывали свою интерпретацию японской культуры. Эта череда действий включала поход на блошинный рынок, выбор понравившегося кимоно, продумывание дизайна, многочисленные поездки к швее, обсуждение с ней дизайна, планирование мероприятия, часто единичного, на которое готовую вещь можно будет надеть, примерку и общение с другими заказчицами, занимающимися такими же практиками. Результат был часто творческого характера, с романтическими элементами. Окончательный момент использования наряда мог быть не так важен, как сам процесс, ведущий к нему (на самом деле мероприятие, на которое женщина надевала готовый убор, никогда не упоминалось в интервью, если я специально не задавала об этом вопроса).

Эта черта когерентна с бриколажем, в котором конечный результат — это неясное представление о том, во что выльется еще не материализовавшееся сочетание материалов и инструментов.

Описываемые практики подвергаются влиянию не только японской культуры как таковой, выраженной посредством кимоно, приобретаемого женщинами в секонд-хендах, но и изначального упоения японской культурой до миграции или на ее ранних этапах. Многие информантки рассказывали о том, как читали русские переводы японской литературы до переезда в Японию. Это объясняет определенный литературный стиль вышеприведенного стихотворения, поэтический язык которого является еще одним фрагментом бриколажа — романтической зарисовки женщины, одетой в сверкающее европейское платье, сделанное из кимоно. Поэтический язык использовался как инструмент вербализации опыта этих женщин, а само стихотворение романтизировало союз между европейкой и японцем. Полагаясь на ограниченный набор инструментов и релевантных воспоминаний, предопределенных жизнью в качестве мигранта, женщины, учувствовавшие в практиках переделывания кимоно, противостояли доминантной культуре. Они делали это, взаимодействуя только с теми элементами принимающей культуры, которые находили в них эмоциональный отклик, и наделяя результат этих взаимодействий эмоциями ностальгии и романтики. Ностальгия заключала в себе их изначальные переживания увлеченности Японией. Таким образом, хотя женщины действовали свободно, их поступки происходили в контексте организующей логики. Они медленно проходили процесс адаптации, одновременно ожидаемой и неизбежной, путем перекраивания или, как говорит Кнеппер, «перестановки слагаемых памяти» [Кнеппер 2006: 85] о том, что означает быть мигрантами, женами и женщинами.

5. Результаты онлайн-опроса

Часть проведенного мною онлайн-опроса была посвящена домашним интерьерам. Вопросы включали в себя отсылки к фотографиям, объектам, которые заставляли участников чувствовать себя комфортно, предметам быта, привезенным с родины, этническим вещам и т.д. В этой статье я обращаюсь к той части результатов опроса, которая лучше всего иллюстрирует поднятую здесь тему: материальный мир мигрантов сквозь призму каналов закупки, используемых ими для приобретения вещей. Многие из этих каналов, такие как интернет-группы купли-продажи, организованные мигрантами, сами по себе яв-

ляются результатом DIY или наделены элементами DIY, так как требуют активного участия в процессе реализации и приобретения товара.

5.1. Каналы закупки

На вопрос, относящийся к каналам закупки предметов домашнего интерьера, ответили 158 респондентов. Технически ответ на вопрос «Где вы приобретаете предметы интерьера?» позволял выбор нескольких ответов одновременно. Данные приведены в таблице 1.

Таблица 1

Где в Японии вы покупаете предметы интерьера? (N = 158)

	Варианты ответов	Процент ответов	Количество ответов
1	В специальных отделах в универмагах	59,5%	94
2	В универмагах LOFT или Tokyu Hands	43,7%	69
3	В небольших дизайнерских магазинах	32,9%	52
4	В магазинах секонд-хенд	17,7%	28
5	В интернете (amazon.co.jp, rakuten.co.jp, другие японские сайты)	48,1%	76
6	В интернете (зарубежные сайты, доставляющие предметы интерьера в Японию)	8,9%	14
7	На интернет-аукционах	5,1%	8
8	В русскоязычном сообществе в интернете	1,3%	2
9	На сайтах для иностранцев (GaijinPot, craigslist и т.д.)	4,4%	7
10	Не покупаю, мастерю сам/сама	8,9%	14
11	Другое	9,5%	15
	Всего		379

Особый интерес представляют практики приобретения предметов, обозначенные ответами 4 (магазины секонд-хенд) и 7–10 (интернет-аукционы, русскоязычное онлайн-сообщество в Японии, сайты купли-продажи для иностранцев и «не покупаю, мастерю сам / сама»). Элементами со-делания наделяются предметы, приобретенные способами, выходящими за рамки основных покупательских практик, а также предметы, модифицируемые владельцем, чтобы лучше отвечать запросам последнего. Каналы закупки сами по себе также в основном создаются и поддерживаются мигрантами.

Среди респондентов 8,9 % делают вещи своими руками. Поскольку вопрос предполагал возможность одновременного

выбора нескольких опций, данные не означают, что эта подгруппа не участвовала также в других практиках. Одним из примеров DIY, приведенных в поле свободных ответов, были занавески, сшитые респонденткой. Она идентифицировала их как наиболее «этнический» предмет в своем доме. Из общего числа респондентов 17,7 % отметили, что совершают покупки в магазинах секонд-хенд — это статистика, оживленная описаниями предметов из дома Милы и наиболее ярко выраженная через «биографию событий» [Kopytoff 1986], произошедших с сахарницей-мухой. В случае с практиками, связанными с переработкой кимоно, последние в большинстве случаев приобретаются в магазинах, специализирующихся на подержанных кимоно. Эти практики составляют акт бриколажа, который разворачивается, чтобы включить в свою сферу швею и клиенток, перекраивающих свои идентичности через многоуровневое «со-действие».

Интернет-аукционами пользуются 5,1 % респондентов. Одна информантка рассказала, что часто посещает японский аукцион портала Yahoo для покупки винтажных картин и открыток, для которых она впоследствии заказывает или даже самостоятельно изготавливает подходящие рамки, украшая ими свое жилище. Один из ее недавних поисковых запросов на онлайн-аукционе содержал слово «сирень», так как она искала картины с изображением этого растения, редкого для Японии. Информантка объяснила, что сирень, исконно европейское растение, было «мило» ей, так как «напоминало пейзажи на родине».

Многие респонденты отметили, что приобретение предметов быта через такие сайты, как GaijinPot и craigslist (4,4 % участников опроса регулярно используют эти каналы), — удобный и экономичный способ раздобывания оригинальных вещей. Хотя в большинстве случаев эти сайты упоминались в связи с мебелью, выставленной там на продажу, респонденты описывали их как потенциально содержащие предметы, могущие понравиться иностранцам в Японии: удобные кожаные кресла, ковры и бюро, в большинстве случаев бывшие в употреблении. На этих сайтах также выставляются предметы, которые можно забрать у владельцев бесплатно. Многие из упомянутых предметов и, соответственно, сайты, на которых их продают, популярны среди мигрантов благодаря связи с европейской идеей комфорта. Так, кресло не присутствует в традиционном японском жилище. Некоторые из предметов, когда мигранты (в связи, например, с переездом) перепродают приобретенные ими на блошиных рынках японские вещи, апеллируют к экзотизму. Элемент ностальгии также важен. Популярность магазинов секонд-хенд и блошиных рынков

говорит о том, что в этих местах мигранты в Японии могут найти больший выбор товаров, способный удовлетворить это чувство, нежели в обычных магазинах с ассортиментом готовых товаров.

Небольшой процент респондентов (1,3 %) отметил, что они делают покупки в различных группах купли-продажи, организованных мигрантами под зонтом русскоязычного онлайн-сообщества. Наиболее продаваемые товары — ношенная одежда. Предполагается, что, поскольку в опросе спрашивалось именно о предметах интерьера, а не об одежде, только малый процент респондентов выбрал в ответе эти группы как канал закупки. На самом деле группы купли-продажи активны: например, за несколько дней до проведения опроса были выставлены на продажу предметы интерьера, включая люстру и остатки обоев¹, для которых быстро нашлись покупатели. Несколько членов сообщества предлагают свои услуги в качестве перевозчиков реализованных товаров. Когда выставляются вещи, изначально привезенные из стран бывшего Советского Союза, сделки заключаются за короткий срок. Вещи, которые можно купить в Японии, задерживаются на страницах групп дольше. Однако даже в этих случаях вещи часто стилизованы под персональные предпочтения их владельцев. Поскольку вкус в мигрантском контексте, описываемый Печуриной как «национальный вкус дома» [Pechurina 2016], — это общая категория для людей с коллективной памятью о прошлом, многие из сделок завершаются успешно.

Практические факторы, такие как деньги и доступ к информации, функционируют как ограничения в этом примере бриколажа. Один человек не имеет возможности совершать длительные походы за покупками, другой — не знает, где можно наиболее выгодно приобрести предметы искомого стиля (внимание к ограничениям бюджета было одним из общих мотивов в собранных нарративах). Третья, как объяснила одна информантка с супружеской визой, не чувствует потребности финансово вкладываться в дизайн собственного дома, так как частые поездки мужа по работе и ее собственный статус мигранта создают ощущение непостоянства их дома. Эти факторы, по отдельности или вместе, влияют на поведение, увеличивая вероятность покупок в группах купли-продажи бывших в употреблении ве-

¹ Как минимум три информантки (по результатам интервью) ремонтировали свои квартиры в Японии либо частично, либо полностью самостоятельно. Они воспользовались услугами друзей и фрилансеров и не обращались к японской ремонтной компании, предлагающей полный пакет услуг. В этих случаях мигранты приобретали такие материалы, как кафель и обои, самостоятельно. По результатам онлайн-опроса, только 19,1 % прибегали к услугам японских ремонтных компаний при ремонте. Этот результат частично объясняется тем, что 59,5 % участников опроса живут в съемном жилье.

щей по низкой стоимости. При этом сущность приобретаемых предметов как «русифицированных» через нахождение у предыдущих владельцев, или, словами Копытоффа [Корытофф 1986], посредством их «сингуляризации», добавляет им привлекательности в глазах мигрантов. Поскольку предмет проходит тест «используемости» благодаря тому, что перед этим служил соотечественнику покупателя, отражая все эмоции и конфликты мигрантского опыта, степень его «винтажности» усиливается. Таким образом, предмет может стать «этническим», даже если он никогда не путешествовал на родину мигранта. Часто подобные вещи покупаются импульсивно, без определенной цели, но как локаторы возможности материализации памяти, переживаний и стремлений мигранта. Эти приобретения могут быть «пропорциональным результатом всех доступных случаев обновения или обогащения запаса или его поддержания посредством остатков предыдущих конструкций и деконструкций» [Lévi-Strauss 1966: 17].

6. Заключение

Я проанализировала DIY-практики русскоязычных мигрантов, проживающих в Японии. Термин DIY был использован в расширенном смысле с целью охватить как предметы, полностью сделанные руками мигрантов, так и те, которые были сделаны как результат даже небольших модификаций. Я также классифицировала в качестве DIY вещи, приобретенные через нетрадиционные покупательские каналы, в ходе использования которых процесс приобретения, раздобывания вещи превращается в акт со-делания. В работе была применена концепция бриколажа, в частности ее компоненты: ограничения, организующая логика и противостояние — с целью вычлнить материальные выражения описанных в работе практик и определить содержащиеся в них переживания. Конечная цель этого вычленения — понять, почему у мигрантов оказываются именно те, а не какие-либо другие предметы. Предметы служат в качестве маркеров трансформирующихся идентичностей их владельцев. Приложение концепции бриколажа помогает выявить существование некоего набора предметов, из которых мигранты составляют свое материальное бытие в различных ситуациях и на разных этапах жизни¹. Предметы в мигрантских домах делаются и раздобываются в рамках как материальных, так и эмоциональных ограничений и в процессе диалогического

¹ Это сравнимо с наблюдениями Печуриной [Pechurina 2015], в которых «диаспорические объекты» могут быть интерпретированы как составляющие предопределенный набор предметов, принадлежащих мигрантам. «Стилевые репертуары», предложенные Гуровой [Гурова 2013], также говорят о наличии предопределенности в выборе одежды мигрантами.

противостояния по отношению к принимающей культуре. В этом процессе задействуется кажущийся эклектичным, но в действительности социокультурно детерминированный набор инструментов. Ряд тем выступает в роли организующей логики, от «европейскости» Милы и романтизма клиенток Лизы до ностальгии участников онлайн-опроса, которые либо делают вещи своими руками, наделяя их «этническим» духом, либо приобретают привлекающие их знакомые предметы, появляющиеся в группах купли-продажи, где они состоят.

Кейсы Милы и Лизы выявляют внутреннюю эмоциональную жизнь предметов, спроецированную на них владельцами, которые приобрели их через серию актов бриколажа. Хотя эти предметы не обладают конечной определенностью в смысле их способности обозначить, кем являются их владельцы, они могут многое рассказать об эмоциональных поисках мигрантов. Как пишет Леви-Строс, «“бриколер” может никогда не завершить свой проект, но он в любой ситуации вложит в него часть себя» [Lévi-Strauss 1966: 21]. Соответственно, вещи, созданные таким образом, через свои формы, размеры и цвета несут в себе отражения тех людей, которые их «сингулизовали» [Kopytoff 1986].

Таким образом, обсуждение снова приводит нас к замечаниям, сделанным в начале статьи о миграции и материальности, когда эмоциональные переживания выступают как центральный компонент мигрантской материальной культуры. Описывая процесс функционирования бриколажа в процессе конструирования идентичности, Кнеппер называет эти переживания «швами и шрамами» [Knepper 2006: 80]. Предметы, описанные в статье, обнаруживают, что мигранты находятся в процессе выкраивания новых идентичностей. В ходе этого сами предметы наделяются измененными смыслами.

Благодарности

Я выражаю благодарность “Japan Society of Lifology” за грант, полученный для проведения онлайн-исследования. Ранняя версия этой статьи была представлена на конференции East Asian Anthropological Association 15–16 октября 2016 г. как часть панели «Антропология DIY-практик: эмансипация или кооптация?». Я благодарю Пола Хансена, Гюлин Кайхан, Ксению Курочкину, Миру Малик и Дачена Яо, а также анонимного рецензента за важные замечания по поводу статьи.

Библиография

Байфорд Э. Разыгрывая «сообщество»: русскоязычные мигранты современной Британии // Новое литературное обозрение. 2014. № 3 (127). С. 377–395.

- Гурова О.* «Выглядеть по-русски». Российские мигранты в Финляндии: социальные характеристики и потребление одежды // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 2. С. 17–41.
- Моргунова О.* Аспекты электронного картографирования русскоязычной диаспоры // Журнальный клуб Интерлос. 2014. № 127. С. 1–13.
- Altglas V.* “Bricolage”: Reclaiming a Conceptual Tool // Culture and Religion. 2014. Vol. 15. No. 4. P. 474–493.
- Baibikov E.* Russian Wives in Japan — Identity Re-construction and Its Implications for Social Integration of Foreign Spouse // 『社会システム研究』 [Social Systems Research]. 2006. Vol. 9. P. 121–144.
- Basova O.* Redefinition of Russian Immigrants in Japan since the Second Half of the 1990s: From the Standpoint of Language Maintenance of Post-Immigrant Generation // 『言語社会』 [Language and Society]. 2013. Vol. 7. P. 362–342.
- Basu P., Coleman S.* Introduction: Migrant Worlds, Material Cultures // Mobilities. 2008. Vol. 3. No. 3. P. 313–330.
- Breton R.* Institutional Completeness of Ethnic Communities and the Personal Relations of Immigrants // American Journal of Sociology. 1964. Vol. 70. No. 2. P. 193–205.
- Burrell K.* Materialising the Border: Spaces of Mobility and Material Culture in Migration from Post-Socialist Poland // Mobilities. 2008. Vol. 3. No. 3. P. 353–373.
- De Leon J.* Undocumented Migration, Use Wear, and the Materiality of Habitual Suffering in the Sonoran Desert // Journal of Material Culture. 2013. Vol. 18. No. 4. P. 321–345.
- Deuze M.* Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture // The Information Society. 2006. Vol. 22. No. 2. P. 63–75.
- Garvey G.* Constitutional Bricolage. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971. 174 p.
- Golovina K.* 「日本滞在の旧ソ連の国々からの若者たちのコミュニケーションにおけるパターン」 [Communication Patterns of Youth from Post-Soviet Countries in Japan] // Tadamas K. (ed.). 『1000分の1のフィールドから—文化人類学からみた場のダイナミクス』 [One-thousandth of a Field: Dynamics of a Place from an Anthropological Perspective]. Tokyo: University of Tokyo, 2009. P. 135–148. (In Japanese).
- Golovina K.* 「日本における移住者の「マイホーム」—ロシア語圏コミュニティメンバーの住宅選びとインテリアを事例に—」 [Migrants' Homes in Japan: Practices of Finding and Organizing Dwellings Among Russian-Speaking Community Members] // 『生活学論叢』 [Journal of Lifology]. 2016. Vol. 29. P. 15–29. (In Japanese).
- Golovina K.* 『日本に暮らすロシア人女性の文化人類学: 移住、国際結婚、人生作り』 [Russian Women in Japan: Migration, Marriage, and Life Crafting]. Tokyo: Akashi Shoten, 2017. 472 p. (In Japanese).

- Guțu D.* “Casuals” Culture. Bricolage and Consumerism in Football Supporters’ Culture. Case Study — Dinamo Bucharest Ultras // *Soccer & Society*. 2015, Aug. 3. P. 1–23. DOI: 10.1080/14660970.2015.1067794.
- Horst H.A.* “You Can’t Be Two Places at Once”: Rethinking Transnationalism Through Jamaican Return Migration // *Identities*. 2007. Vol. 14. No. 1–2. P. 63–83.
- Johnson C.* Bricoleur and Bricolage: From Metaphor to Universal Concept // *Paragraph*. 2012. Vol. 35. No. 3. P. 355–372.
- Kim V.* Female Gender Construction and the Idea of Marriage Migration: Women from Former Soviet Union Countries Married to Japanese Men // *Working Paper Series: Studies on Societies*. 2013. Vol. 20. P. 1–22.
- Knepper W.* Colonization, Creolization, and Globalization: The Art and Ruses of Bricolage // *Small Axe*. 2006. Vol. 11. No. 1. P. 70–86.
- Kopnina H.* East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe. Aldershot: Ashgate, 2005. 251 p.
- Kopytoff I.* The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // Appadurai A. (ed.). *Commodities in Cultural Perspective: The Social Life of Things*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–92.
- Koshiro Y.* Imperial Eclipse: Japan’s Strategic Thinking about Continental Asia before August 1945. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2013. 328 p.
- Kraidy M.M.* Hybridity, or The Cultural Logic of Globalization. Philadelphia: Temple University Press, 2005. 240 p.
- Larionescu A.L.J.* Migrants’ Housing in the Homeland. A Case Study of the Impact of Migration on a Rural Community. The Village of Marginea, Romania // *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*. 2012. No. 2. P. 81–95.
- Lévi-Strauss C.* The Savage Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1966. 310 p.
- Lulle A., Jurkane-Hobein I.* Strangers Within? Russian-speakers’ Migration from Latvia to London: A Study in Power Geometry and Intersectionality // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016. Vol. 43. No. 4. P. 596–612.
- Miller D.* Why the Best Furniture Goes to the House You Can’t Live in // Löfgren O. (ed.). *Double Homes, Double Lives?* Copenhagen: Museum Tusulanum Press, University of Copenhagen, 2007. P. 45–50.
- Miller D.* Migration, Material Culture and Tragedy: Four Moments in Caribbean Migration // *Mobilities*. 2008. Vol. 3. No. 3. P. 397–413.
- Mukhina V.* Migration Policies and Cross-National Marriage in Japan: Routes to Settlement // *International Journal of Social and Cultural Studies*. 2013. Vol. 6. P. 77–93.
- Mukhina V., Golovina K.* 「ロシア人ディアスポラの現状—在日ロシア人移住者の位置づけに向けて」 [Overview of Contemporary Russian Diaspora: Defining Specific Features of Russian Immigrants in

- Japan] // 『移民政策研究』 [Migration Policy Review]. 2017. Vol. 9. P. 105–122. (In Japanese).
- Pechurina A.* Russian Dolls, Icons, and Pushkin: Practicing Cultural Identity through Material Possessions in Immigration // *Laboratorium*. 2011. Vol. 3. No. 3. P. 97–117.
- Pechurina A.* Material Cultures, Migrations, and Identities: What the Eye Cannot See. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. 171 p.
- Pechurina A.* The Russian Diasporic Home and Its Atmospheres: Theoretical Challenges and the Methodological Implications // *RSR Sotsiologicheskoe Obozrenie / Russian Sociological Review*. 2016. Vol. 15. No. 2. P. 26–41.
- Phillimore J., Humphries R., Klaas F., Knecht M.* Bricolage: Potential as a Conceptual Tool for Understanding Access to Welfare in Super-diverse Neighborhoods. 21 p. (IRiS Working Paper Series. 2016. No. 14). <<http://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-social-sciences/social-policy/iris/2016/working-paper-series/IRiS-WP-14-2016UPWEB3.pdf>>.
- Pistrick E.* Performing Nostalgia: Migration Culture and Creativity in South Albania. Farnham, Surrey; Burlington, VT: Ashgate, 2015. 267 p.
- Roquet P.* Atmosphere as Culture. Ambient Media and Postindustrial Japan: PhD Thesis. University of California, 2012.
- Shumsky D.* Post-Zionist Orientalism? Orientalist Discourse and Islamophobia Among the Russian-speaking Intelligentsia in Israel // *Social Identities*. 2004. Vol. 10. No. 1. P. 83–99.
- Tipton E.K., Clark J.* Being Modern in Japan: Culture and Society from the 1910s to the 1930s. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000. 224 p.

Material Culture and *Bricolage*: Russian-speaking Migrants in Japan Who Make and Procure Objects

Ksenia Golovina

The University of Tokyo, Center for Global Communication Strategies
3-8-1 Komaba, Meguro-ku, Tokyo 153-8902, Japan
ksenia.golovina@gmail.com

This paper draws on data obtained through fieldwork with first-generation Russian female migrants and an online survey of male and female Russian-speaking migrants who reside in Japan. The research focuses on the migrants' material culture, in particular the objects that result from their "do-it-yourself" (DIY) practices.

I expand the traditional definition of DIY: for example, I extend the definition to include items modified to meet their owners' needs, thereby retaining the features of co-making, as well as items obtained outside the conventional consumer experience. Uprooted from their familiar socio-cultural environment characterized by specific forms of material expression, migrants use DIY as a tool to restore this materiality in their new location, while having to rely on limited materials and specific consumption channels. In the study, these practices are approached through the concept of *bricolage*, which originates from Levi-Strauss's discourse, to reveal the meanings enacted through the objects that the migrants possess.

Keywords: material culture, Russian-speaking migrants, bricolage, DIY.

Acknowledgements

I extend my gratitude to Japan's Society of Lifology for awarding me with the grant to carry out the online survey. The earlier draft of this paper was presented at the East Asian Anthropological Association meeting in October 15–16, 2016 as part of the "Anthropology of Do-it-yourself Practices: Emancipation or Cooptation" panel. I thank Paul Hansen, Gülin Kayhan, Ksenia Kurochkina, Mira Malick, and Dacheng Yao for their insightful comments on the paper.

References

- Altglas V., "“Bricolage”: Reclaiming a Conceptual Tool", *Culture and Religion*, 2014, vol. 15, no. 4, pp. 474–493.
- Baibikov E., 'Russian Wives in Japan — Identity Re-construction and Its Implications for Social Integration of Foreign Spouse', *Shakai sistemu kenkyū* [Social Systems Research], 2006, vol. 9, pp. 121–144.
- Basova O., 'Redefinition of Russian Immigrants in Japan since the Second Half of the 1990s: From the Standpoint of Language Maintenance of Post-Immigrant Generation', *Gengo shakai* [Language and Society], 2013, vol. 7, pp. 362–342.
- Basu P., Coleman S., 'Introduction: Migrant Worlds, Material Cultures', *Mobilities*, 2008, vol. 3, no. 3, pp. 313–330.
- Breton R., 'Institutional Completeness of Ethnic Communities and the Personal Relations of Immigrants', *American Journal of Sociology*, 1964, vol. 70, no. 2, pp. 193–205.
- Burrell K., 'Materialising the Border: Spaces of Mobility and Material Culture in Migration from Post-Socialist Poland', *Mobilities*, 2008, vol. 3, no. 3, pp. 353–373.
- Byford A., 'Razygryvaya "soobshchestvo": russkoyazychnye migranty sovremennoy Britanii' [Performing "Community": Russian-speaking Migrants in Contemporary Britain], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014, 127, pp. 377–395. (In Russian).

- De Leon J., 'Undocumented Migration, Use Wear, and the Materiality of Habitual Suffering in the Sonoran Desert', *Journal of Material Culture*, 2013, vol. 18, no. 4, pp. 321–345.
- Deuze M., 'Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture', *The Information Society*, 2006, vol. 22, no. 2, pp. 63–75.
- Garvey G., *Constitutional Bricolage*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971, 174 pp.
- Golovina K., 'Nihon taizai no kyūsoren no kuniguni kara no wakamonotachi no komyunikēshon ni okeru patān' [Communication Patterns of Youth from Post-Soviet Countries in Japan], Tadamas K. (ed.), *Sembun no ichi no fūdo kara: Bunkajinruigaku kara mita ba no dainamikusu* [One-thousandth of a Field: Dynamics of a Place from an Anthropological Perspective]. Tokyo: University of Tokyo, 2009, pp. 135–148. (In Japanese).
- Golovina K., 'Nihon ni okeru ijūsha no maihōmu: Roshiaoken komyunichi membā no jūtaku erabi to interia wo jirei ni' [Migrants' Homes in Japan: Practices of Finding and Organizing Dwellings Among Russian-Speaking Community Members], *Seikatsugaku ronso* [Journal of Lifology], 2016, vol. 29, pp. 15–29. (In Japanese).
- Golovina K., *Nihon ni kurasu roshiajin josei no bunkajinruigaku: Ijū, kokusai kekkon, jinseizukuri* [Russian Women in Japan: Migration, Marriage, and Life Crafting]. Tokyo: Akashi Shoten, 2017, 472 pp. (In Japanese).
- Gurova O., "“Vyglyadet po-russki”. Rossiyskie migranty v Finlyadnii: sotsialnye kharakteristiki i potreblenie odezhdy" ["To Look Russian". Russian migrants in Finland. Social Characteristics and Clothing Consumption], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 14, no. 2, 2013, pp. 17–41. (In Russian).
- Guțu D., "“Casuals” Culture. Bricolage and Consumerism in Football Supporters' Culture. Case Study — Dinamo Bucharest Ultras", *Soccer & Society*, 2015, Aug. 3, pp. 1–23.
- Horst H. A., "“You Can't Be Two Places at Once”: Rethinking Transnationalism Through Jamaican Return Migration", *Identities*, 2007, vol. 14, no. 1–2, pp. 63–83.
- Johnson C., 'Bricoleur and Bricolage: From Metaphor to Universal Concept', *Paragraph*, 2012, vol. 35, no. 3, pp. 355–372.
- Kim V., 'Female Gender Construction and the Idea of Marriage Migration: Women from Former Soviet Union Countries Married to Japanese Men', *Working Paper Series: Studies on Societies*, 2013, vol. 20, pp. 1–22.
- Knepper W., 'Colonization, Creolization, and Globalization: The Art and Ruses of Bricolage', *Small Axe*, 2006, vol. 11, no. 1, pp. 70–86.
- Kopinina H., *East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe*. Aldershot: Ashgate, 2005, 251 pp.
- Kopytoff I., 'The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process', Appadurai A. (ed.), *Commodities in Cultural Perspective: The Social Life of Things*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, pp. 64–92.

- Koshiro Y., *Imperial Eclipse: Japan's Strategic Thinking about Continental Asia before August 1945*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013, 328 pp.
- Kraidy M. M., *Hybridity, or The Cultural Logic of Globalization*. Philadelphia: Temple University Press, 2005, 240 pp.
- Larionescu A. L. J., 'Migrants' Housing in the Homeland. A Case Study of the Impact of Migration on a Rural Community. The Village of Marginea, Romania', *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*, 2012, no. 2, pp. 81–95.
- Lévi-Strauss C., *The Savage Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1966, 310 pp.
- Lulle A., Jurkane–Hobein I., 'Strangers Within? Russian-speakers' Migration from Latvia to London: A Study in Power Geometry and Intersectionality', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2016, vol. 43, no. 4, pp. 596–612.
- Miller D., 'Why the Best Furniture Goes to the House You Can't Live in', Löfgren O. (ed.), *Double Homes, Double Lives?* Copenhagen: Museum Tusulanum Press, University of Copenhagen, 2007, pp. 45–50.
- Miller D., 'Migration, Material Culture and Tragedy: Four Moments in Caribbean Migration', *Mobilities*, 2008, vol. 3, no. 3, pp. 397–413.
- Morgunova O., 'Aspekty elektronnoho kartografirovaniya russkoyazychnoy diaspory' [Some Aspects of Electronic Mapping of Russian-Speaking Diaspora], *Zhurnalnyy klub Interlos*, 2014, no. 127, pp. 1–13. (In Russian).
- Mukhina V., 'Migration Policies and Cross-National Marriage in Japan: Routes to Settlement', *International Journal of Social and Cultural Studies*, 2013, vol. 6, pp. 77–93.
- Mukhina V., Golovina K., 'Roshiajin diasupora no genjō: Zainichi roshiajin ijūsha no ichizuke ni mukete' [Overview of Contemporary Russian Diaspora: Defining Specific Features of Russian Immigrants in Japan], *Imin seisaku kenkyū* [Migration Policy Review], 2017, vol. 9, pp. 105–122. (In Japanese).
- Pechurina A., 'Russian Dolls, Icons, and Pushkin: Practicing Cultural Identity through Material Possessions in Immigration', *Laboratorium*, 2011, vol. 3, no. 3, pp. 97–117.
- Pechurina A., *Material Cultures, Migrations, and Identities: What the Eye Cannot See*. Palgrave Macmillan, 2015, 171 pp.
- Pechurina A., 'The Russian Diasporic Home and Its Atmospheres: Theoretical Challenges and the Methodological Implications', *RSR Sotsiologicheskoe Obozrenie / Russian Sociological Review*, 2016, vol. 15, no. 2, pp. 26–41.
- Phillimore J., Humphries R., Klaas F., Knecht M., *Bricolage: Potential as a Conceptual Tool for Understanding Access to Welfare in Superdiverse Neighborhoods. IRiS Working Paper Series*, 2016, no. 14, 21 pp.
- Pistrick E., *Performing Nostalgia: Migration Culture and Creativity in South Albania*. Farnham, Surrey; Burlington, VT: Ashgate, 2015, 267 pp.
- Roquet P., *Atmosphere as Culture. Ambient Media and Postindustrial Japan*. PhD Thesis. University of California, 2012.

- Shumsky D., 'Post-Zionist Orientalism? Orientalist Discourse and Islamophobia Among the Russian-speaking Intelligentsia in Israel', *Social Identities*, 2004, vol. 10, no. 1, pp. 83–99.
- Tipton E. K., Clark J., *Being Modern in Japan: Culture and Society from the 1910s to the 1930s*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000, 224 pp.

Иллюстрации к статье Ксении Головиной

Ил. 1. Муха-сахарница. Фото К. Головиной

Ил. 2. Зеленая диванная подушка, сделанная из оби, пояса кимоно.
Фото К. Головиной